9 16/1161

Ник. Жерве.

116

Артиллерійск аго уч

Госуд. Книжный Фонд

111

911

ГРАФЪ

Д. А. МИЛЮТИНЪ

(Къ 90-лѣтію его рожденія)

1816 $\frac{28}{VI}$ 1906 г.

Біографическій очеркъ съ 2-мя портретами.

Изданіе „ВОЕННАГО ГОЛОСА“.

ПУБЛ. Б-КА имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.

ф.30-9

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

„Военный Голосъ“ 1906 г. №№ 142, 143 и 144.

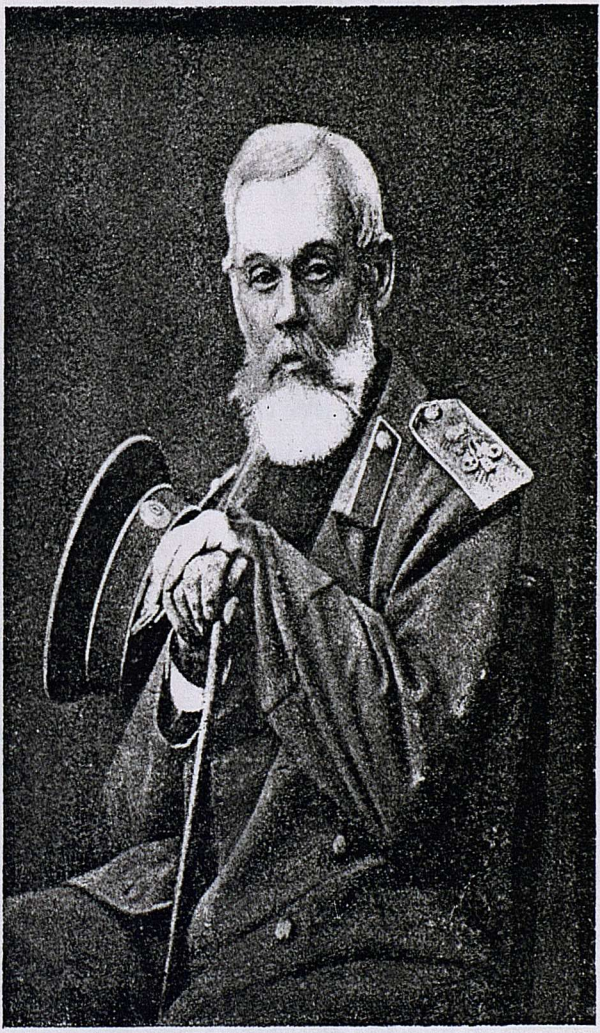

2005346090

Типографія Воейкова. Бассейная, 3.

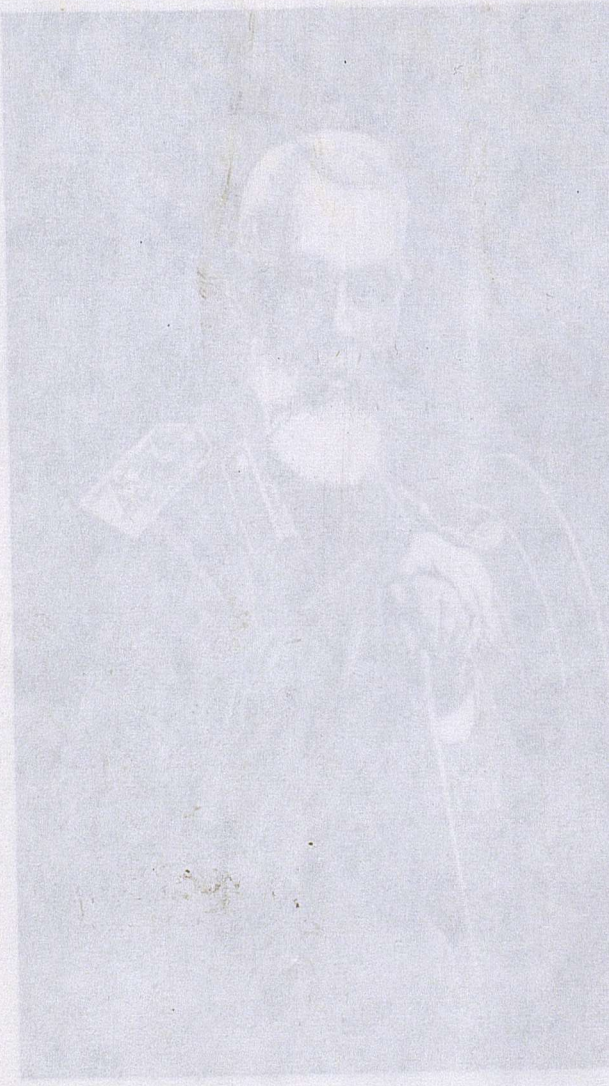
Графъ Д. А. Милютинъ

(съ портрета 1881 г.)

Графъ Д. А. Милютинъ

(съ послѣдняго портрета).

Артиллерійскаго училища
3

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ.
Лишь не остыло въ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ...

Некрасовъ.

28-го іюня 1906 г. исполнилось девяностолѣтъ со дня рожденія бывшаго военнаго министра „эпохи великихъ реформъ“, графа Дмитрія Алексѣевича Милютина.

Незабвенный реформаторъ военнаго дѣла, ревностный поборникъ образованія, горячій и убѣжденный защитникъ началъ справедливости и равенства, —идей, которыя легли въ основу всѣхъ освободительныхъ преобразованій шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ,—графъ Милютинъ оказалъ громадныя услуги Россіи въ дѣлѣ обновленія и развитія ея національныхъ силъ.

Къ нему можно смѣло примѣнить слова поэта, посвященныя его знаменитому брату, Н. А. Милютину, и поставленныя нами въ эпиграфѣ.

Но... „никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ“,— говоритъ русская пословица, — и справедливость ея оправдалась до извѣстной степени на графѣ Милютинѣ.

„Онъ еще мало былъ оцѣненъ въ свое время,— пишетъ одинъ изъ его біографовъ,—а потомъ, когда услуги его очень могли бы пригодиться родинѣ не въ одной военной области, ему волею судебъ пришлось очутиться не у дѣлъ, уступивъ свое мѣсто и свое драгоцѣнное вліяніе людямъ, несравненно менѣе его даровитымъ. Зато, на склонѣ дней своихъ, онъ можетъ сказать себѣ, что труды его не прошли даромъ, что имъ посѣянное дало обильный и хорошій

плодъ, и что многія сѣмена, брошенныя имъ на кремнистую, холодную землю, если и не взошли всѣ, то далеко еще не потеряли своей всхожести...“

Нужно надѣяться, что „для всхожести этихъ сѣмянъ“ настала, наконецъ, благопріятная пора въ настоящее время... Имя графа Д. А. Милютина все чаще и чаще вспоминается теперь въ связи съ предстоящими насущными военными реформами, и это служитъ лишь подтвержденіемъ вышеприведенныхъ словъ.

Графъ Милютинъ принадлежитъ къ тѣмъ замѣчательнымъ дѣятелямъ, которые заслужили славу не только великими трудами своими, но неоцѣненны еще и потому, что самая память о нихъ служитъ „постояннымъ жизневозбудителемъ, толчкомъ къ сознанію и вселенію въ жизнь тѣхъ именно идеаловъ, во имя которыхъ работали эти лица“.

Все совершенное,—и не въ одной только военной области,—этимъ изумительно трудолюбивымъ, разностороннимъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, благороднѣйшимъ государственнымъ дѣятелемъ, ожидаетъ еще настоящей, правдивой оцѣнки...

I.

Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ родился 28 іюня 1816 г. въ Москвѣ, въ небогатой достаткомъ, но богатой талантами русской дворянской семьѣ, которая дала намъ даровитаго юриста и писателя Владиміра Алексѣевича [1]) и еще болѣе знаменитаго—Николая Алексѣевича, „кузнеца-гражданина“, сыгравшаго выдающуюся роль въ крестьянской реформѣ.

Большое вліяніе въ семьѣ Милютиныхъ въ дѣлѣ воспитанія и просвѣщенія дѣтей имѣла мать,—сестра графа П. Д. Киселева, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ государственныхъ людей Николаевскаго времени, искренняго поборника освобожденія крестьянъ. Она съ малыхъ лѣтъ пріучала своихъ сыновей смотрѣть на трудъ, какъ на благородное и пріятное дѣло и лишь въ чваномъ тунеядствѣ видѣть источникъ зла.

Воспитывался Д. А. Милютинъ въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. По окончаніи здѣсь курса (съ серебряной медалью), онъ посвятилъ себя военной службѣ и 1 марта 1833 г. опредѣлился фейерверкеромъ въ батарейную № 2 роту л.-гв. 1-й артиллерійской бригады. Въ томъ же году,

---

[1]) Профессора спб. университета, впервые примѣнившаго методъ сравнительнаго историческаго изученія.

8 ноября, Дмитрій Алексѣевичъ былъ произведенъ, по экзамену, въ первый офицерскій чинъ того времени—въ прапорщики (гвардейской артиллеріи).

Строевая служба мало удовлетворяла талантливаго, жаждавшаго знаній и вообще склоннаго къ научнымъ работамъ молодого офицера, и въ декабрѣ 1835 г. онъ поступилъ въ Императорскую военную академію, которую блистательно окончилъ въ 1837 г., съ награжденіемъ серебряною медалью и чиномъ штабсъ-капитана генеральнаго штаба.

Въ академіи Д. А. Милютинъ обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями. Еще до поступленія въ академію, когда ему было всего 16 лѣтъ, онъ написалъ (въ 1832 г.) „Руководство къ съемкѣ плановъ". Затѣмъ онъ участвовалъ въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ" А. А. Плюшара, гдѣ помѣстилъ рядъ статей по военному и математическому отдѣламъ, въ „Военномъ Энциклопедическомъ лексиконѣ" Зедделера, „Военномъ Журналѣ", „Отечественныхъ запискахъ" и другихъ изданіяхъ. Въ „Отечественныхъ запискахъ" (1839 г., № 4) Милютинъ, между прочимъ, напечаталъ статью „Суворовъ, какъ полководецъ". Кромѣ того, онъ перевелъ съ французскаго извѣстныя записки Сенъ-Сира.

Будучи выпущенъ изъ академіи въ гвардейскій генеральный штабъ и желая практически ознакомиться съ боевою дѣятельностью войскъ, Д. А. Милютинъ сталъ стремиться попасть на войну—эту лучшую школу для военнаго человѣка.

Стремленія его осуществились, и съ 1839 г. начинается его боевая дѣятельность, когда онъ былъ командированъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ. На Кавказѣ онъ принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ дѣлъ противъ горцевъ: при взятіи укрѣпленнаго замка Саясана и разсѣяніи скопищъ этого мятежника, въ разгромѣ аула Буртунай, гдѣ былъ разбитъ Шамиль, при отраженіи горцевъ, предводительствуемыхъ

Ахверды-Магомой, при осадѣ стараго замка Ахульго, штурмѣ и взятіи приступомъ Сурхаевской башни и новаго замка Ахульго, при покореніи аула Чиркея и, наконецъ, въ бояхъ при урочищѣ Ахметъ-Тала.

Дѣйствуя въ 1844 г. противъ горцевъ въ составѣ чеченскаго отряда, Милютинъ былъ раненъ ружейною пулею навылетъ въ правое плечо, съ поврежденіемъ кости. Далѣе онъ участвовалъ въ разрушеніи моста черезъ рѣку Сулакъ, въ сожженіи аула Зубуту и проч. Съ 1843 г. подполковникъ Милютинъ занималъ должность оберъ-квартирмейстера войскъ кавказской линіи и Черноморіи.

Въ началѣ 1845 г. Дмитрій Алексѣевичъ, по разстроенному здоровью, покинулъ Кавказъ и вернулся въ Петербургъ, смѣнивъ боевую дѣятельность на педагогическую, въ качествѣ профессора Императорской военной академіи.

Занявъ каѳедру военной географіи, онъ создалъ цѣлую науку—военную статистику, которую и ввелъ въ академическій курсъ. Одновременно съ этимъ, Милютинъ занялся разработкой военной исторіи и военной науки вообще. Еще будучи на Кавказѣ, онъ составилъ и въ 1843 г. напечаталъ „Наставленіе къ занятію, оборонѣ и атакѣ лѣсовъ, строеній, деревень и другихъ мѣстныхъ предметовъ“. Затѣмъ Дмитрій Алексѣевичъ напечаталъ рядъ другихъ изслѣдованій и работъ: „Критическое изслѣдованіе значенія военной географіи и статистики“ („В. Ж“. 1846 г. № 1), „Первые опыты военной статистики“ [1]) (1847 и 1848 гг.), „Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 г. въ Сѣверномъ Дагестанѣ“ („В. Ж“. 1850 г. № 1) и друг.

Наконецъ, въ 1852—53 гг. появился главный научный трудъ его — классическое изслѣдованіе

---

[1]) Т. I—„Вступленіе“ и „Основанія политической и военной системы германскаго союза“ и т. II—„Военная статистика прусскаго королевства“.

объ итальянскомъ походѣ Суворова. Еще въ 1848 г. [1]), по Высочайшему повелѣнію, ему поручено было продолжать едва начатый историческій трудъ скончавшагося военнаго историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго на тему объ итальянскомъ походѣ. Результатомъ возложенной на Милютина работы явилась „Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей въ царствованіе императора Павла I".

Рецензировавшій этотъ трудъ знаменитый Грановскій (профессоръ всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ) писалъ, что изслѣдованіе Милютина объ итальянскомъ походѣ Суворова „принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя необходимы каждому образованному русскому, и займетъ, безъ сомнѣнія, весьма почетное мѣсто въ общеевропейской исторической литературѣ"; историкъ призналъ его „трудомъ въ полномъ смыслѣ слова самостоятельнымъ и оригинальнымъ", въ которомъ изложеніе событій „отличается необыкновенною ясностью и спокойствіемъ взгляда, не отуманеннаго никакими предубѣжденіями, и тою благородною простотою, которая составляетъ принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія".

Одинъ изъ біографовъ Д. А. Милютина, говоря объ этой его работѣ, между прочимъ, прибавляетъ: „какую громадную разницу представляетъ этотъ трудъ, цѣнный и донынѣ, сравнительно съ современными изслѣдованіями разныхъ доморощенныхъ геніевъ,— изслѣдованіями, въ которыхъ за разными вывертами, мудрствованіями лукавыми и развязной отсебятиной и до смысла не доберешься" [2]).

---

[1]) Въ этомъ же году Милютинъ былъ избранъ въ члены ученой комиссіи главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій.

[2]) Не знаемъ, кого имѣлъ въ виду писавшій эти строки, но надо сознаться, что отзывъ этотъ попадаетъ „не въ бровь, а прямо въ глазъ" нѣкото-

За этотъ трудъ, при вторичномъ его изданіи (1857 г.), академія наукъ присудила автору его полную Демидовскую премію и избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ [1]).

Въ 1866 г. и с.-петербургскій университетъ поднесъ Д. А. Милютину званіе доктора русской исторіи honoris causa.

Историческое изслѣдованіе Милютина объ итальянскомъ походѣ Суворова является вѣчнымъ вкладомъ въ литературу о Суворовѣ.

Суворовъ, какъ полководецъ-психологъ и воспитатель солдатъ, боготворившихъ его, былъ въ то время почти совершенно забытъ, и Милютину принадлежитъ первое мѣсто въ созданіи суворовскаго культа. Онъ первый далъ научную разработку суворовскихъ принциповъ, благодаря которымъ великій полководецъ одерживалъ свои блестящія побѣды.

Другіе, какъ, напр., Драгомировъ, пошли уже по стопамъ автора „Исторіи войны 1799 г.“.

Говоря вообще, въ Николаевское время безсмысленной солдатской муштры трудъ Милютина для многихъ явился „новымъ словомъ“, откровеніемъ.

Помимо профессуры, ученыхъ занятій и литературныхъ работъ, Д. А. Милютинъ былъ привлеченъ и къ военно-административнымъ трудамъ на должностяхъ сначала управляющаго 3 (воспитательнымъ)

рыхъ нашихъ „военныхъ историковъ“, обратившихъ писаніе разнаго рода историческихъ изслѣдованій, до „полковыхъ исторій“ включительно, даже въ кустарный промыселъ. Среди нихъ были и такіе, которые брались писать также и о Суворовѣ...

[1]) Въ награду за него же Д. А. Милютинъ получилъ брилліантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Величества. „Исторія войны 1799 г.“ затѣмъ была переведена на языки французскій и нѣмецкій. На послѣднемъ переводъ вышелъ въ Мюнхенѣ въ 1857 г.

отдѣленіемъ штаба военно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ состоящаго для порученій при военномъ министрѣ.

Въ 1853 г. полковникъ Милютинъ сопровождалъ императора Николая Павловича въ его путешествіи за границу; въ слѣдующемъ 1854 году былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ особой комиссіи о мѣрахъ защиты береговъ Балтійскаго моря, а также избранъ и въ члены комиссіи, составленной для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа, при университетѣ св. Владиміра. Въ томъ же году Милютинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1855 г. назначенъ въ свиту Его Величества. Одновременно съ этимъ, онъ состоялъ членомъ комиссіи для улучшеній по военной части, въ которой своими обширными познаніями и просвѣщенными взглядами много способствовалъ правильному разрѣшенію животрепещущихъ вопросовъ, касавшихся, главнымъ образомъ, измѣненія направленія подготовки нашей арміи.

Профессоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба Дмитрій Алексѣевичъ оставался вплоть до 1856 г., когда, по собственной просьбѣ, былъ отчисленъ отъ должности профессора.

Императоръ Александръ II, давно уже обратившій вниманіе на недюжинныя способности талантливаго профессора и историка, въ 1856 г., по желанію князя Барятинскаго, назначилъ Милютина начальникомъ главнаго штаба войскъ кавказской арміи. Такимъ образомъ, отъ кабинетныхъ трудовъ Дмитрій Алексѣевичъ снова былъ призванъ къ боевой дѣятельности,—въ армію, завершавшую покореніе Кавказа. Здѣсь онъ явился однимъ изъ главныхъ помощниковъ высоко цѣнившаго его князя Барятинскаго въ завоеваніи края.

Въ 1859 г., состоя уже въ званіи генералъ-адъютанта, Милютинъ находился при войскахъ чеченскаго отряда и участвовалъ въ занятіи аула Тандо, въ

овладѣніи укрѣпленнаго аула Гуниба и взятіи въ плѣнъ знаменитаго Шамиля.

Такой путь прошелъ Дмитрій Алексѣевичъ, когда необходимость коренныхъ преобразованій нашей арміи и ея управленія побудили Государя снова призвать его въ Петербургъ. Обширная теоретическая и практическая подготовка Д. А. Милютина являлась залогомъ его будущей плодотворной дѣятельности.

Въ 1860 г. онъ былъ отозванъ съ Кавказа и 30 августа того же года назначенъ товарищемъ военнаго министра [1]). 9 ноября слѣдующаго 1861 года состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи его на постъ военнаго министра.

Задачи военнаго министерства въ это время были очень сложны: нужно было реорганизовать все устройство и управленіе арміею, всѣ стороны военнаго быта, давно уже во многомъ отставшаго отъ требованій жизни.

Реформы начались очень скоро послѣ того, какъ Д. А. Милютинъ сталъ во главѣ военнаго министерства, и коснулись рѣшительно всѣхъ сторонъ службы и жизни нашей арміи.

* *
*

Это было время небывалаго еще въ Россіи подъема общественныхъ силъ и кипучей преобразовательной дѣятельности государства, имѣвшей цѣлью залѣчить не только язвы, обнаруженныя во время неудачной крымской кампаніи въ военномъ дѣлѣ, но и снять съ общества ту гнетущую опеку, которая была результатомъ предшествующаго тридцатилѣтняго застоя.

Вооруженный обширными спеціальными знаніями, имѣя за собой широкій практическій опытъ, вынесенный изъ предшествовавшей разносторонней служебной

---

[1]) Генералъ-адъютанта Н. О. Сухозанета 2-го.

дѣятельности, внимательно изучившій тяжелыя условія жизни и быта войскъ суроваго, если не сказать, жестокаго николаевскаго времени,—какъ въ боевой, такъ и мирной обстановкѣ ихъ, — Д. А. Милютинъ явился вполнѣ подготовленнымъ къ той просвѣтительной дѣятельности, которая выпала ему на долю.

Человѣкъ просвѣщенный въ истинно-европейскомъ смыслѣ, онъ скорбѣлъ душою, осязая всѣ язвы стараго крѣпостническаго режима и бюрократическаго строя, наблюдая—какой безчеловѣчной механической муштровкѣ, при помощи самой широкой кулачной расправы и розогъ [1]), подвергались «защитники отечества»...

Солдаты были почти поголовно безграмотны, уровень образованія офицеровъ стоялъ очень низко, рекрутская повинность являлась крайне тягостной для народа. Гнетъ этой повинности лежалъ только на податныхъ классахъ и, вдобавокъ, на наиболѣе обездоленной ихъ части. Наковецъ, въ самомъ характерѣ этой повинности было что-то унизительное, такъ какъ она назначалась часто въ видѣ „наказанія“ за преступленія [2]). Сословія мѣщанское и купеческое постоянно старались откупаться отъ рекрутчины, зато въ деревнѣ, обремененной податями и вѣчными недоимками, гдѣ и думать было нечего о томъ, чтобы откупиться, стонъ стоялъ во дни рекрутскаго набора...

Косность и рутина царили во всѣхъ сферахъ арміи.

Вотъ какое наслѣдіе получилъ Д. А. Милютинъ при вступленіи на постъ военнаго министра.

---

[1]) Въ до-реформенное время считалось аксіомою, что военное обученіе и дисциплина безъ розогъ немыслимы.

[2]) Отмѣтимъ, между прочимъ, что въ недавнее сравнительно время военная служба вновь стала являться „мѣрою наказанія“... для провинившихся студентовъ.

II.

Спустя всего лишь два мѣсяца послѣ своего назначенія на постъ военнаго министра, 15 января 1862 г., Д. А. Милютинъ представилъ Императору Александру II свой знаменитый всеподданнѣйшій докладъ, заключавшій въ себѣ основныя идеи всѣхъ предполагавшихся преобразованій по военному министерству.

Обширный докладъ этотъ свидѣтельствуетъ, съ какимъ продуманнымъ уже, грандіознымъ планомъ преобразованій вступалъ въ должность военнаго министра Дмитрій Алексѣевичъ, и какъ глубоко было его знакомство съ нуждами нашей арміи. Его детально обоснованная программа намѣченныхъ преобразованій являлась особенно необходимой, такъ какъ было еще много сторонниковъ „стараго режима“, которые къ задуманнымъ реформамъ новаго военнаго министра относились весьма скептически и ставили ему всякаго рода „препоны“...

Въ препроводительной къ докладу запискѣ Д. А. Милютинъ писалъ, что „поставилъ себѣ священнымъ долгомъ представить со всею вѣрноподданническою откровенностью истинную картину настоящаго положенія дѣлъ, не стараясь нимало ослабить и темныхъ ея сторонъ“.

Прежде всего онъ указывалъ какъ на „главнѣйшее затрудненіе и первый предметъ заботъ

военнаго министерства“—на колоссальную цифру военной смѣты, составляющую тяжелое бремя для нашихъ финансовъ.

„Насъ упрекаютъ, — писалъ Д. А. Милютинъ, — что въ самомъ расходованіи огромныхъ средствъ, употребляемыхъ на содержаніе арміи, нѣтъ должной бережливости, по причинѣ многихъ укоренившихся въ нашей администраціи злоупотребленій, крайняго развитія бюрократіи, многочисленнаго состава установленій и проистекающаго отъ того усложненія въ ходѣ дѣлъ“ [1]).

Военное министерство ставило себѣ въ непремѣнную обязанность изыскивать всѣ возможныя средства къ облегченію того бремени, которое составляетъ для государства военные расходы, сообразуя наши военныя силы съ силами другихъ европейскихъ государствъ и стремясь удовлетворить „настоятельныя требованія улучшеній по разнымъ отраслямъ военнаго устройства“.

Для достиженія этой цѣли военный министръ предполагалъ: произвести коренныя преобразованія въ организаціи нашихъ резервныхъ войскъ, обезпечить положеніе тѣхъ и другихъ въ случаѣ мобилизаціи и затѣмъ лишь, сокративъ численность содержавшейся въ мирное время арміи на счетъ ея небоевого элемента, нѣсколько уменьшить смѣту военнаго министерства. Но измѣненіе въ организаціи резервныхъ и запасныхъ войскъ могло принести существенную пользу только при наличности достаточнаго числа лицъ, прошедшихъ черезъ ряды арміи. Для достиженія этого Милютинъ предлагалъ сократить срокъ службы въ постоянныхъ

---

[1]) Большинство изъ этихъ упрековъ примѣнимы къ военному министерству и нашего времени. Да и вообще многіе завѣты Милютина слѣдовало бы вспомнить и теперь.

войскахъ и указывалъ на необходимость безотлагательнаго пересмотра рекрутскаго устава [1]).

Далѣе указывалось, что въ штабахъ и управленіяхъ всѣхъ категорій, т. е. центральныхъ, строевыхъ и мѣстныхъ, также возможно произвести нѣкоторыя сокращенія. Крайняя централизація въ военномъ управленіи являлась большимъ зломъ.

„Та же централизація, со всѣми вредными ея послѣдствіями,—писалъ въ своемъ докладѣ Д. А. Милютинъ,—развита у насъ и въ строевомъ управленіи войскъ, гдѣ недостатокъ иниціативы въ частныхъ воинскихъ начальникахъ, въ особенности, въ военное время, проявлялся не разъ и приводилъ къ самымъ печальнымъ результатамъ".

Средствомъ для устраненія этихъ недостатковъ нашего военнаго управленія Милютинъ признавалъ децентрализацію власти, расширеніе правъ мѣстныхъ установленій и соотвѣтствующее упрощеніе дѣлопроизводства. Для осуществленія этой идеи онъ предлагалъ ввести раздѣленіе государства на нѣсколько военныхъ округовъ.

Далѣе намѣчались преобразованія въ строевомъ управленіи войскъ, ихъ образованіи и личномъ составѣ.

Взглядъ Д. А. Милютина на образованіе войскъ былъ выраженъ ясно: „совершенствованіе арміи основано преимущественно на образованіи единицъ, ее составляющихъ, на развитіи ихъ природныхъ способностей, не только физическихъ, но и умственныхъ".

Въ тѣсной связи съ запросами военнаго управленія стоялъ вопросъ о соотвѣтствіи лицъ тѣмъ должностямъ, которыя имъ ввѣряются.

„Благоустройство и достоинство арміи,—писалъ

---

[1]) Это было первымъ намекомъ на введеніе всеобщей воинской повинности.

военный министръ,—всего болѣе зависитъ отъ хорошаго выбора начальниковъ на разныя степени служебной іерархіи [1]). Безъ этого существеннаго условія будутъ безплодны всѣ лучшія мѣры, принимаемыя для усовершенствованія войскъ и ихъ управленій". Для разрѣшенія этой задачи необходимо было обратить вниманія: 1) на комплектованіе арміи офицерами и 2) на порядокъ прохожденія ими службы.

Въ то время армія наша комплектовалась офицерами—двумя способами: выпусками изъ военно-учебныхъ заведеній и производствами изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся. Недостаточность подготовки къ офицерскому званію лицъ послѣдней категоріи еще ранѣе подала мысль объ учрежденіи юнкерскихъ училищъ при корпусныхъ и дивизіонныхъ штабахъ, и такія училища были открыты: въ Финляндіи, при войскахъ 1-й арміи (въ Гельсингфорсѣ) и при штабѣ 4-го армейскаго корпуса. Въ дальнѣйшемъ имѣлось въ виду открыть подобныя училища и при прочихъ войскахъ.

Это являлось необходимымъ, такъ какъ юнкера и вольноопредѣляющіеся, несмотря на многолѣтнее существованіе кадетскихъ корпусовъ, составляли главный источникъ пополненія нашей арміи офицерами.

Д. А. Милютинъ нашелъ нужнымъ обратить особое вниманіе на программы юнкерскихъ училищъ,—на развитіе въ нихъ спеціальныхъ военныхъ предметовъ, и высказывалъ желаніе, чтобы были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія также и въ дѣлѣ воспитанія и обученія въ кадетскихъ корпусахъ.

Что же касается до порядка прохожденія офицерами службы, то военный министръ признавалъ возможнымъ надежнѣе обезпечить хорошій выборъ начальниковъ, а также устранить отъ высшаго коман-

---

[1]) Этотъ принципъ, кажется, у насъ въ послѣдніе годы часто умышленно игнорировался.

дованія людей посредственныхъ и неспособныхъ, прибѣгнувъ къ пересмотру порядка составленія кандидатскихъ списковъ и порядка чинопроизводства.

Затѣмъ слѣдовали предположенія о преобразованіяхъ военно-судной части, комиссаріатскаго и провіантскаго довольствій, военно-врачебной, артиллерійской, инженерной и, наконецъ, иррегулярныхъ войскъ.

Въ заключеніе, Милютинъ подчеркивалъ необходимость „подвергнуть общему пересмотру все наше военное законодательство“, заключавшее въ себѣ много устарѣлаго. Накопившіяся въ разное время и изданныя по разнымъ случаямъ узаконенія, не всегда согласованныя съ общею системою законодательства, будучи включены въ сводъ, нарушили въ немъ должную гармонію частей съ цѣлымъ.

Задача военно-кодификаціонной комиссіи, работавшей уже надъ пересмотромъ свода военныхъ постановленій, заключалась въ приготовленіи свода къ новому изданію, такъ сказать, „въ очищенномъ видѣ“, при чемъ Д. А. Милютинъ полагалъ главною ея обязанностью—„отдѣлить законы отъ постановленій и частныхъ инструкцій“. Онъ считалъ также „совершенно необходимымъ, чтобы работа военно-кодификаціонной комиссіи была ведена въ тѣсной связи съ общими законодательными работами по своду законовъ Имперіи“.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, первоначальныя предположенія Д. А. Милютина о переустройствѣ нашего военнаго управленія [1]).

Докладъ 15 января 1862 г. явился краеугольнымъ камнемъ въ зданіи военныхъ реформъ, задуманныхъ и затѣмъ осуществленныхъ Д. А. Милютинымъ.

* *
*

[1]) На докладѣ императоръ Александръ II положилъ слѣдующую резолюцію: „Все изложенное въ этой запискѣ совершенно согласно съ Моими давнишними желаніями и видами“.

Разсказать подробно, какъ осуществлялась Милютинымъ обширная и планомѣрная военная реформа его, въ біографическомъ очеркѣ—нѣтъ возможности. Поэтому болѣе подробно мы остановимся лишь на главнѣйшихъ частяхъ ея.

Разсматривая въ совокупности все сдѣланное Милютинымъ въ отношеніи преобразованія различныхъ отраслей нашего военнаго управленія, нельзя не замѣтить прежде всего той внутренней связи, которая царила между всѣми даже самыми мелкими мѣропріятіями и которая достигалась единствомъ идеи—идеи децентрализаціи и пробужденія самодѣятельности частныхъ начальниковъ, на почвѣ законности и гуманныхъ началъ.

Помимо массы труда и многосложности работъ по коренному переустройству военнаго управленія, Д. А. Милютину приходилось еще бороться съ рутиною и косностью „верховъ“ нашей арміи, изъ которыхъ многіе,—завистники и порицатели,—не понимая или не желая понять всей пользы задуманной реформы, не только не оказывали поддержки новому военному министру, но, наоборотъ, всѣми силами и всячески старались дискредитировать его въ глазахъ Государя.

При такихъ условіяхъ работать, конечно, было крайне тяжело... Но изъ борьбы, которую Милютину пришлось вести съ отсталыми „военными авторитетами“, возставшими противъ „новшествъ“ министра, онъ всегда выходилъ побѣдителемъ.

Окруживъ себя талантливыми и дѣятельными сотрудниками [1]), Дмитрій Алексѣевичъ работалъ, не покладая рукъ...

---

[1]) Это—тоже характерная черта такихъ людей, какъ Милютинъ: и до, и послѣ него—талантъ и живая мысль не всегда находили себѣ почву для развитія.

III.

Прежде всего было обращено вниманіе на необходимость уменьшенія численности войскъ въ мирное время съ тѣмъ, однако, чтобы боевыя силы страны, на случай военныхъ дѣйствій, были всегда достаточны.

Съ этою цѣлью, и въ ожиданіи коренной реформы тяжелой рекрутской повинности, Д. А. Милютинъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о сокращеніи срока службы нижнихъ чиновъ въ строю съ 25-ти лѣтъ до 16-ти лѣтъ, а также и нѣкоторыя другія облегченія.

Рекрутскіе наборы вскорѣ получили иную организацію,—болѣе правильную, при чемъ былъ облегченъ и самый способъ ихъ производства. Въ результатѣ явилось значительное уменьшеніе числа бѣжавшихъ, заболѣвшихъ и умершихъ рекрутъ.

Преобразованіе арміи—въ смыслѣ воспитанія и обученія ея—основывалось на гуманныхъ и прогрессивныхъ началахъ. Одновременно съ этимъ, административнымъ порядкомъ были приняты мѣры къ улучшенію быта солдатъ—ихъ пищи, жилища, обмундированія и проч. Положено было начало грамотности, а въ пріемы военнаго обученія внесено уваженіе личности воина, при чемъ побои („рукоприкладство“ даже преслѣдовалось) и розги изгнаны. Противъ послѣдней мѣры особенно возставали за-

взятые крѣпостники и „кнутолюбы“, старые генералы николаевскаго времени, воспитанные сами на систематической „поркѣ“—въ кадетскихъ корпусахъ, но Д. А. Милютину все-таки удалось провести такую „не популярную“ въ военныхъ сферахъ мѣру, какъ изгнаніе розги изъ обихода военнаго воспитанія и обученія.

Особенное вниманіе Д. А. Милютинъ обращалъ на поднятіе уровня образованія среди солдатъ, видя въ подъемѣ нравственной личности лучшую опору дисциплины и успѣха военнаго дѣла. Для этого, кромѣ учебныхъ командъ, были заведены ротныя школы, а позже (въ 1875 г.) изданы даже общія правила для обученія, помимо изданія книгъ и журналовъ для солдатскаго чтенія.

Коренной реформѣ подверглись также и среднія, и высшія военныя школы.

Кадетскіе корпуса были преобразованы въ военныя гимназіи. „Д. А. Милютинъ,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—стремился освободить военныя школы отъ преждевременной военной спеціализаціи, расширяя программу ихъ въ духѣ общечеловѣческаго образованія, изгоняя старые педагогическіе пріемы съ ихъ отчаянною поркою и приниженіемъ нравственной личности“.

Любопытно отмѣтить, что политическій противникъ Милютина, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, въ то же самое время усиленно насаждалъ „классическую школу“ съ ея мертвящей долбней и изученіемъ „древнихъ языковъ“...

Къ реформамъ въ области образованія принадлежитъ и учрежденіе Д. А. Милютинымъ юнкерскихъ училищъ (1864 г.), а также военно-юридической академіи [1]). Николаевская академія генеральнаго

[1]) Эта академія была образована въ іюлѣ 1866 г. въ видѣ офицерскихъ классовъ при аудиторскомъ училищѣ, преобразованномъ въ военно-юридиче-

штаба получила новыя правила, и при ней былъ устроенъ дополнительный курсъ; программа военно-медицинской школы расширена; при петербургской второй гимназіи были учреждены педагогическіе курсы для подготовленія учителей въ военныя гимназіи,—курсы, которые вскорѣ выдвинули цѣлую плеяду педагоговъ, получившихъ извѣстность.

Всѣ эти мѣры значительно повысили умственный уровень офицеровъ.

Законъ 17 апрѣля 1863 г., проведенный Д. А. Милютинымъ при содѣйствіи Великаго Князя Константина Николаевича, отмѣнялъ уголовныя наказанія, жестокія и унизительныя для человѣческаго достоинства—кошки, шпицрутены, плети, клейменье и т. п. 6 іюля того же года послѣдовало Высочайшее утвержденіе „положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ“, которое установило порядокъ наложенія дисциплинарныхъ взысканій и точнымъ образомъ опредѣлило степень и предѣлы власти въ этомъ отношеніи всѣхъ воинскихъ начальниковъ.

Какъ только открыты были новые гласные суды [1]), Д. А. Милютинъ счелъ нужнымъ выработать и для военнаго вѣдомства согласный съ ними по духу военно-судебный уставъ (15 мая 1867 года)—на началахъ устности, гласности и состязательности.

Введеніе военно-окружной системы (6 августа 1864 г.) было также однимъ изъ важныхъ преобразованій въ военномъ вѣдомствѣ. Съ введеніемъ ея прекратилась старая неурядица въ военномъ хозяй-

---

ское училище. Въ 1867 г. офицерскіе классы были переименованы въ военно-юридическую академію, а въ 1868 г. издано положеніе для академіи, сходное съ положеніями другихъ военныхъ академій. Одновременно съ этимъ служащіе по военно-судебной части образовали особое военно-судебное вѣдомство.

[1]) 20 ноября 1864 г.

ствѣ; преобразованіе это, кромѣ того, внесло въ управленіе арміею надлежащую гибкость и ускореніе мобилизаціи.

Реорганизована была интендантская часть, [1]) а также военно-медицинская: цѣлый рядъ мѣръ, принятыхъ для улучшенія больничной и санитарной частей въ арміи, вскорѣ же благопріятно отозвался на здоровьѣ войскъ.

Преобразованія Д. А. Милютина коснулись также усиленнаго перевооруженія арміи, усиленія приморскихъ и сухопутныхъ крѣпостей, постройки новыхъ воинскихъ зданій, устройства казачьихъ войскъ, улучшенія положенія офицеровъ [2]), войскового хозяйства и проч. Арестантскія роты и тюрьмы были реорганизованы, печальной памяти военныя поселенія и кантонисты упразднены.

Но самымъ крупнымъ, навсегда памятнымъ дѣяніемъ Д. А. Милютина является введеніе всеобщей воинской повинности. Это—одна изъ „великихъ реформъ“ царствованія Императора Александра II.

„Обязанная иниціативѣ Дмитрія Алексѣевича, его настойчивости и тонкой политической тактикѣ,—говоритъ Гр. Джаншіевъ („Эпоха великихъ реформъ“),—одна эта великая реформа, внесшая возможную уравнительность въ тягчайшую изъ всѣхъ натуральныхъ повинностей, могла бы обезпечить ея иниціатору и

---

[1]) При реорганизаціи интендантской части, находившейся въ весьма неудовлетворительномъ состояніи (комиссаріатскій и провіантскій департаменты были слиты и преобразованы въ главное интендантское управленіе) Д. А. Милютину пришлось вести борьбу со старымъ комиссаріатскимъ чиновникомъ (директоромъ департамента)—Ѳ. Г. Устряловымъ, который всѣми силами отстаивалъ свои комиссаріатскіе порядки.

[2]) Офицерскіе заемные капиталы, военно-эмеритальная касса, суды общества офицеровъ были реформированы, организованы были офицерскія собранія и пр.

главному виновнику блестящую страницу въ исторіи русской культуры".

Воспитанное на „привилегіяхъ", высшее общество весьма несочувственно относилось къ этой уравнительной реформѣ. Со стороны дворянъ дѣлались попытки къ освобожденію отъ воинской повинности, а купцы даже вызывались на свой счетъ содержать инвалидовъ, но всѣ сословныя и меркантильныя соображенія были всецѣло исключены изъ закона по настоянію Д. А. Милютина.

Первая статья проекта устава 1874 г. радикально измѣняла характеръ воинской повинности. Изъ унизительной, составляющей удѣлъ низшихъ сословій и назначавшейся даже въ видѣ наказанія за преступленія, она обращалась въ тяжелую, но почетную общегражданскую повинность.

Единственныя, общія для всѣхъ сословій изъятія отъ повинностей допущены были по семейному положенію и образовательному цензу. Льготы по образованію увеличивались сообразно съ его степенью и доходили до 3-хъ мѣсяцевъ дѣйствительной службы. Какъ это ни странно, непримиримымъ противникомъ льготъ по образованію оказался министръ народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстой. Однако, благодаря энергичной и искусной защитѣ Д. А. Милютина, проектъ его прошелъ цѣликомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, признавшемъ полезнымъ поощреніе въ Россіи стремленія къ высшему образованію. Распространеніе просвѣщенія и имѣлъ въ виду Милютинъ при установленіи указанныхъ льготъ.

Уставъ о воинской повинности 1874 г., созданный и проведенный въ жизнь Д. А. Милютинымъ, весь проникнутъ принципами „эпохи великихъ реформъ": равенства всѣхъ передъ закономъ, преданности къ просвѣщенію и довѣрія къ народу.

„Проникнутый горячею заботливостью о пользахъ арміи и общемъ благѣ государства,—сказано въ ре-

скриптѣ Александра II на имя Д. А. Милютина отъ 11 января 1874 г. [1]),—вы стремились во внесенномъ вами въ Государственный Совѣтъ проектѣ къ пріумноженію не только матеріальной, но преимущественно нравственной силы войска, и въ то же время не упустили изъ виду необходимости огражденія другихъ важныхъ интересовъ быта семейнаго, промышленности, торговли и въ особенности просвѣщенія во всѣхъ его степеняхъ: тяжелыми трудами вашими въ этомъ дѣлѣ и просвѣщеннымъ на него взглядомъ вы оказали государству услугу, которую Я ставлю въ особое удовольствіе засвидѣтельствовать и за которую выражаю вамъ мою истинную признательность". Государь поручалъ военному министру приводить законъ въ исполненіе „въ томъ же духѣ, въ какомъ онъ составленъ".

Реформы Д. А. Милютина (особенно, послѣдняя) возбуждали много толковъ и нареканій,—раздавались голоса, что подготовка для солдатъ, по новому положенію, мала и проч., но хивинскій походъ и особенно русско-турецкая война 1877—78 г.г. показала всю своевременность и цѣлесообразность этихъ реформъ. Реформированная на прогрессивныхъ началахъ своего времени, воспитанная Д. А. Милютинымъ въ духѣ гуманности, армія наша съ честью и славой выдержала серьезное боевое испытаніе.

Находясь на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, Д. А. Милютинъ имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что вѣра его въ разумъ, въ силу просвѣщенія и въ нравственное достоинство русскаго народа не обманула его [2]).

---

[1]) Высочайшій манифестъ о введеніи всеобщей воинской повинности состоялся 1 января 1874 г.

[2]) Чуждый всякаго желанія скрывать погрѣшности своихъ подчиненныхъ, Милютинъ, послѣ войны сдѣлалъ все возможное, чтобы судебнымъ разслѣдованіемъ пролить свѣтъ на злоупотребленія вкравшіяся въ интендантскую и др. части.

Въ теченіе семи-мѣсячнаго пребыванія Императора Александра II на театрѣ войны, въ Болгаріи, военный министръ безотлучно находился при Государѣ.

12 апрѣля 1877 г., въ Кишиневѣ, при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи Государя, былъ объявленъ манифестъ съ повелѣніемъ нашимъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи. 17 апрѣля, послѣ Высочайшаго смотра проходившихъ чрезъ Кишиневъ войскъ, Императоръ Александръ II назначилъ Д. А. Милютина шефомъ 121-го Пензенскаго полка, какъ перваго полка, сформированнаго въ его бытность военнымъ министромъ.

Лично удостовѣрясь въ блестящемъ состояніи дѣйствующей арміи, а также въ полной успѣшности, несмотря на новизну пріемовъ, мобилизаціи, Государь 6-го мая 1877 г. далъ на имя Д. А. Милютина слѣдующій рескриптъ, который служилъ лучшею оцѣнкою всей предшествовавшей плодотворной дѣятельности военнаго министра:

„Дмитрій Алексѣевичъ! Произведенная мобилизація части вооруженныхъ силъ Имперіи, достаточной для цѣлей нынѣ начавшейся войны, доказала на дѣлѣ, что все необходимое для быстрой боевой готовности войскъ было заранѣе предвидѣно, правильно организовано и распредѣлено соотвѣтственно дѣйствительнымъ военнымъ потребностямъ. Осмотрѣвъ войска дѣйствующей арміи, Я вынесъ самыя отрадныя впечатлѣнія, лично убѣдившись, что не только войска сіи находятся въ превосходномъ состояніи, но и всѣ отрасли военнаго управленія исполнили свою задачу съ замѣчательнымъ успѣхомъ, а матеріальное снабженіе арміи отличается такою полнотою, которая убѣждаетъ въ томъ, что денежныя затраты, понесенныя Государствомъ въ мирное время на устройство и усовершенствованіе войскъ, привели армію въ полную готовность выполнить тотъ священный долгъ, къ которому она нынѣ Мною призвана.

„Справедливо относя столь прекрасные результаты къ многолѣтней напряженной и разумной дѣятельности всѣхъ органовъ военнаго министерства, руководимыхъ вашею патріотическою преданностью, вашею заботливою предусмотрительностью о своевременномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей правильно организованныхъ вооруженныхъ силъ, Я поставляю себѣ истиннымъ удовольствіемъ изъявить вамъ Мое полное благоволеніе и душевную признательность, поручая вмѣстѣ съ тѣмъ объявить Мою благодарность не только всѣмъ вашимъ ближайшимъ сотрудникамъ, но и всѣмъ чинамъ министерства, совокупными трудами которыхъ совершалась сложная работа, а равно мѣстному военному начальству, начиная отъ главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ до уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, отъ заботливости и усиленной дѣятельности которыхъ зависѣло вполнѣ успѣшное выполненіе мобилизаціи и удовлетвореніе на мѣстахъ всѣхъ потребностей арміи.

„Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный“—на подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:—„Искренно васъ любящій и благодарный *Александръ*.“

28-го ноября того же 1877 г., по полученіи извѣстія о паденіи Плевны и плѣненіи Османа-паши со всею его арміею, Императоръ Александръ II-й—въ тотъ же день—пожаловалъ военному министру, генералъ-адъютанту Милютину, орденъ св. Георгія 2-й ст. Эту награду Д. А. Милютинъ получилъ на томъ основаніи, что послѣ штурма 30-го августа онъ первый подалъ голосъ за неотступленіе отъ Плевны, когда возникло предположеніе оставить Плевну.

По окончаніи войны, за труды свои, понесенные во время военныхъ дѣйствій, Д. А. Милютинъ указомъ отъ 30 августа 1878 г. былъ возведенъ въ графское достоинство.

IV.

Значеніе дѣятельности Д. А. Милютина, однако, не исчерпывается преобразованіемъ одной только военной области. И на другихъ поприщахъ государственной жизни онъ былъ выдающимся дѣятелемъ.

„Принадлежа къ плеядѣ передовыхъ, убѣжденныхъ и безкорыстныхъ государственныхъ сановниковъ преобразовательной эпохи, вынесшихъ на своихъ плечахъ великій трудъ обновленія Россіи послѣ 30-лѣтняго застоя и спячки, Дмитрій Алексѣевичъ,— говоритъ Гр. Джаншіевъ,—всегда былъ и остался до конца своей служебной карьеры открытымъ и твердымъ защитникомъ новыхъ либеральныхъ принциповъ, положенныхъ въ основу нашихъ великихъ реформъ, и всѣми силами своего знанія и таланта способствовалъ возможно всестороннему проведенію этихъ принциповъ въ законодательствѣ".

Въ великой крестьянской реформѣ 1861 г., съ которой неразрывно связано имя его брата, Николая Алексѣевича, Д. А. Милютинъ не принималъ непосредственнаго участія, но зато во всѣхъ остальныхъ реформахъ онъ игралъ дѣятельную роль, всегда отстаивая ихъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и совѣщаніяхъ.

Особенно замѣтно сказалось вліяніе Милютина при изданіи упомянутаго уже выше закона 17 апрѣля 1863 г. объ отмѣнѣ жестокихъ уголовныхъ наказа-

ній: шпицрутеновъ, плетей, розогъ, клейменья, прикованія къ телѣжкѣ и т. п. ужасовъ „добраго“ стараго времени [1]).

Въ слѣдовавшей затѣмъ реформѣ, земской, онъ стоялъ за предоставленіе земству возможно большихъ правъ и возможно большей самостоятельности съ подлежащимъ огражденіемъ его отъ „усмотрѣнія“ администраціи.

Точно также при разсмотрѣніи судебныхъ уставовъ Д. А. Милютинъ горячо ратовалъ за строгое проведеніе основъ раціональнаго судопроизводства.

Наконецъ, законъ о печати 1865 г. (по проекту П. А. Валуева), встрѣтилъ въ военномъ министрѣ строгаго критика. Одновременное существованіе изданій, и подлежащихъ предварительной цензурѣ, и отъ нея освобожденныхъ, онъ считалъ неудобнымъ, возставалъ противъ сосредоточенія власти надъ печатью въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ и желалъ рѣшеніе по дѣламъ печати возложить на учрежденіе коллегіальное и вполнѣ самостоятельное.

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что за сохраненіе тѣлесныхъ наказаній рѣшительно высказывались не только генералы николаевскаго времени, но самъ министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ и даже авторитетныя духовныя особы, какъ, напр., извѣстный митрополитъ московскій Филаретъ и др.

Для характеристики духа времени и нравовъ, отмѣтимъ также, что еще въ 1861 г. „Военный Сборникъ“ (при воен. мин. Сухозанетѣ) печаталъ статьи въ защиту тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ. По поводу одной изъ такихъ статей (кн. Витгенштейна,— переводъ съ нѣмецкаго) въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1862 г. въ № 85 былъ напечатанъ протестъ редактору „Военнаго Сборника“ отъ 106 офицеровъ, въ которомъ они писали, что „Воен. Сборн.“ служитъ „не для того, чтобы распространять въ нашемъ военномъ сословіи невѣжество и проводить взгляды— доказывающіе возмутительное непониманіе духа русскаго солдата и потребностей общества.“

Кромѣ того, русское общество обязано Д. А. Милютину основаніемъ первыхъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, которые, благодаря его усиленному ходатайству, и были открыты при военно-медицинской академіи въ 1872 г. Курсы эти въ войну 1877—1878 гг. вполнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды [1]).

Вообще разносторонніе труды Милютина на пользу просвѣщенія были настолько почтенны и вершились съ такой энергіей и настойчивостью, что въ семидесятыхъ годахъ (минувшаго столѣтія) въ обществѣ прямо говорили, что „истиннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія должно считаться не то оффиціальное вѣдомство, во главѣ котораго стоялъ гр. Д. А. Толстой, а военное министерство".

Общество горячо сочувствовало Д. А. Милютину, который, кстати сказать, въ лицѣ военныхъ гимназій, создалъ, цѣлую систему реальнаго образованія наперекоръ „классицизму", насаждавшемуся тогда гр. Толстымъ.

Въ дѣлахъ иностранной политики Д. А. Милютинъ обнаруживалъ миролюбивыя наклонности, когда на немъ, по болѣзни князя Горчакова, лежало высшее завѣдываніе иностранными дѣлами, и ранѣе, до болгарской войны.

Когда звѣзда извѣстнаго германофила гр. Шувалова потускнѣла, Милютинъ сталъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ правительственныхъ сферахъ, и къ его содѣйствію нерѣдко обращались въ самыхъ важныхъ случаяхъ,—его мнѣнія спрашивали при рѣшеніи всѣхъ серьезныхъ государственныхъ вопросовъ.

* * *

---

[1]) Замѣтимъ, кстати, что женскіе врачебные курсы были закрыты вскорѣ же по выходѣ Д. А. Милютина изъ министерства.

Наступилъ 1880 годъ.

Съ призваніемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ графа М. Т. Лорисъ-Меликова (единомышленника Д. А. Милютина по вопросамъ внутренней политики), цѣлый рядъ новыхъ реформъ долженъ былъ осуществиться въ ближайшемъ будущемъ: полное упраздненіе III отдѣленія, ограниченіе административнаго и цензурнаго произвола, фактическое расширеніе круга дѣйствій земскаго и городского самоуправленія, и, наконецъ, нѣчто, напоминающее „народное представительство".

Всѣмъ этимъ преобразованіямъ не могъ не сочувствовать всею душою просвѣщенный и гуманный военный министръ.

Слухъ о созывѣ представителей отъ земствъ и городовъ и привлеченіи ихъ къ участію въ законодательной дѣятельности проникъ въ общество, и всѣ благомыслящіе люди и единомышленники Лорисъ-Меликова съ радостнымъ нетерпѣніемъ ожидали этого знаменательнаго мѣропріятія, видя въ немъ дѣйствительное средство для успокоенія умовъ, броженіе которыхъ создавало въ то время не малыя затрудненія правительству, а также и лучшій способъ для разрѣшенія важнѣйшихъ, стоявшихъ на очереди, государственныхъ и общественныхъ вопросовъ.

Съ докладомъ о проектѣ «представительства» Лорисъ-Меликовъ вошелъ къ Государю 28-го января 1881 г.

По обсужденіи и утвержденіи этой реформы особымъ совѣщаніемъ, проектъ ея былъ одобренъ и подписанъ Императоромъ Александромъ II 17-го февраля. Государь повелѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ изготовить, въ видѣ правительственнаго сообщенія (для напечатанія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ"), оповѣщеніе во всеобщее свѣдѣніе о принятомъ рѣшеніи.

Утромъ рокового дня, 1-го марта 1881 г., передъ отъѣздомъ Императора Александра II въ Михайлов-

скій манежъ, Лорисъ-Меликовъ имѣлъ докладъ у Государя. Государь вручилъ ему одобренный проектъ „правительственнаго сообщенія“ о созывѣ „общей комиссіи“ по проекту Лорисъ-Меликова, выразивъ при этомъ пожеланіе, чтобы проектъ сообщенія до его напечатанія былъ выслушанъ въ засѣданіи совѣта министровъ 4-го марта.

Черезъ два часа послѣ этого многозначительнаго повелѣнія Царя-Освободители не стало...

8-го марта 1881 г. состоялось, въ присутствіи Императора Александра III, историческое засѣданіе Государственнаго Совѣта, обсуждавшаго „проектъ представительства“, предложенный гр. Лорисъ-Меликовымъ и подписанный покойнымъ Государемъ.

За проектъ Лорисъ-Меликова высказались: великій князь Константинъ Николаевичъ, Сольскій (нынѣ графъ), Абаза, гр. Валуевъ, военный министръ и нѣкоторые другіе. Графъ Д. А. Милютинъ особенно горячо поддерживалъ предложеніе Лорисъ-Меликова. Въ произнесенной имъ замѣчательной рѣчи онъ смѣлымъ, искреннимъ, правдивымъ словомъ охарактеризовалъ политическій моментъ, переживавшійся тогда Россіею.

Графъ Милютинъ сказалъ:

„Предлагаемая мѣра Вашему Императорскому Величеству, по моему мнѣнію, совершенно необходима, и необходима именно теперь. Въ началѣ каждаго царствованія новый монархъ, для пользы дѣла, долженъ заявить народу свои намѣренія и виды относительно будущаго. По части внѣшней политики взгляды Вашего Величества нашли себѣ прекрасное выраженіе въ циркулярной депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Какъ видно изъ извѣстій, приходящихъ съ разныхъ концовъ Европы, депеша эта произвела повсюду наилучшее впечатлѣніе. Но она касается собственно международныхъ нашихъ отношеній, изъ нея не видно, какой внутренней поли-

тики будетъ держаться Императоръ Александръ III. Между тѣмъ, вопросъ этотъ естественно озабочиваетъ всю Россію. Безотлагательное разрѣшеніе его представляется мнѣ въ высшей степени необходимымъ. Покойный Государь, по вступленіи на престолъ, предпринялъ цѣлый рядъ великихъ дѣлъ. Начатыя имъ преобразованія должны были обновить весь строй нашего отечества. Къ несчастью, выстрѣлъ Каракозова остановилъ исполненіе многихъ благихъ предначертаній великодушнаго Монарха. Кромѣ святого дѣла освобожденія крестьянъ, которому покойный Государь былъ преданъ всею душою, всѣ остальныя преобразованія исполнялись вяло, съ недовѣріемъ къ пользѣ ихъ, при чемъ нерѣдко принимались даже мѣры, несогласныя съ основною мыслью изданныхъ новыхъ законовъ.

„Понятно, что, при такомъ образѣ дѣйствій, нельзя было ожидать добрыхъ плодовъ отъ наилучшихъ даже предначертаній.

„И дѣйствительно, въ Россіи все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое недовольство... Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной Императора Александра Николаевича, возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникла и за границу“...

Здѣсь Императоръ Александръ III прервалъ графа Милютина, заявивъ, что императоръ Вильгельмъ I въ собственноручномъ письмѣ умолялъ Александра II не давать Россіи „конституціи“, и уже въ случаѣ крайности, если нельзя будетъ обойтись вовсе безъ народнаго представительства, совѣтовалъ устроить его какъ можно скромнѣе, давъ представи-

тельству поменьше вліянія и сохранивъ власть за правительствомъ...

„Ваше Величество,—продолжалъ графъ Милютинъ, —не о конституціи идетъ рѣчь. Нѣтъ ея и тѣни. Предлагается устроить на правильномъ основаніи то, что въ сущности было и прежде. Когда разсматривались проекты крестьянскихъ положеній и другихъ важнѣйшихъ законовъ, всякій разъ, съ соизволенія покойнаго государя, приглашаемы были, для предварительнаго обсужденія этихъ проектовъ, люди практическіе, которые знаютъ дѣйствительную жизнь, потому что живутъ не въ столицѣ, а въ уѣздахъ и деревняхъ, гдѣ многіе вопросы представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ нашей средѣ. Теперь предстоятъ важные законодательные труды по окончаніи сенаторскихъ ревизій. Естественно, что, для успѣха дѣла, необходимо сообразить ихъ всесторонне, т. е. не съ канцелярской только или бюрократической точки зрѣнія. Въ виду этого, Ваше Величество, я позволяю себѣ горячо поддерживать предложеніе графа Лорисъ-Меликова“.

Но затѣмъ полились страстныя рѣчи противъ проекта весьма скромнаго представительства, признаннаго за „первый шагъ къ конституціи“. Говорили—гр. Строгановъ, Маковъ, оберъ-прокуроръ св. синода К. П. Побѣдоносцевъ и др. Особенно сильно ратовалъ противъ проекта Побѣдоносцевъ... И рѣчь его имѣла рѣшающее значеніе при обсужденіи проекта.

Послѣдствіемъ этого историческаго засѣданія явилась, какъ извѣстно, вся наша дальнѣйшая внутренняя политика.

Всѣ проекты предполагавшихся реформъ были сданы въ архивъ... Ближайшіе сотрудники покойнаго Императора Александра II вскорѣ убѣдились, что ихъ пѣсня спѣта и дѣлать имъ болѣе нечего...

22 мая 1881 г. графъ Д. А. Милютинъ вслѣдъ

за графомъ Лорисъ-Меликовымъ добровольно покинулъ пость военнаго министра [1]), оставшись лишь членомъ Государственнаго Совѣта, и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно живетъ въ Крыму.

Въ память двадцати-лѣтняго его управленія военнымъ министерствомъ чинами всѣхъ военныхъ управленій, по добровольной подпискѣ, былъ собранъ особый капиталъ. Изъ этого капитала выдаются преміи имени графа Д. А. Милютина юнкерамъ, отлично прошедшимъ курсъ юнкерскихъ училищъ.

Заслуги графа Д. А. Милютина были вспомянуты еще разъ въ 1898 г., по поводу освященія и открытія памятника Царю-Освободителю, Императору Александру II, въ Москвѣ, при чемъ Милютинъ, присутствовавшій на торжествѣ, былъ произведенъ (16 августа) въ генералъ-фельдмаршалы [2]). Позже, 11 апрѣля 1904 г., въ день пятидесятилѣтія состоянія графа Д. А. Милютина въ генеральскихъ чинахъ ему были пожалованы брилліантами осыпанные портреты Императора Николая I и Его Императорскаго Величества для ношенія на груди [3]).

* * *

[1]) Тогда же подалъ въ отставку и министръ финансовъ Абаза. Все военное министерство измѣнило вскорѣ своихъ представителей: ушли Гейденъ, Баранцовъ, Философовъ, Исаковъ, Мордвиновъ и др.

[2]) Онъ имѣетъ всѣ русскіе ордена до брилліантовыхъ знаковъ ордена св. Андея Первозваннаго. Кромѣ того, имѣетъ также очень много иностранныхъ орденовъ.

[3]) Такіе же портреты Императора Александра II и Александра III были пожалованы графу Милютину въ 1881 г., по оставленіи имъ военнаго министерства. Графъ Милютинъ состоитъ почетнымъ президентомъ академіи генеральнаго штаба и военно-юридической, почетнымъ членомъ академіи наукъ и академій: артиллерійской, инженерной и медико-хирургической, университетовъ московскаго и харьковскаго, общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, географическаго общества и пр. Кромѣ того, какъ уже было сказано, имѣетъ званіе доктора русской исторіи.

Ни чины, ни высшія почести нимало не измѣнили вкусовъ, взглядовъ и принциповъ Дмитрія Алексѣевича, и онъ донынѣ сохраняетъ свои благородныя фамильныя традиціи, ища въ умственномъ трудѣ источникъ высшаго наслажденія.

Вообще его способности трудиться всегда удивлялись всѣ, кому приходилось наблюдать Д. А. Милютина за работой. По этому поводу, между прочимъ, „Записки Инсарскаго“, говоря о многихъ лицахъ, занимавшихъ выдающіеся посты на Кавказѣ во времена намѣстничества князя Барятинскаго, отмѣчаютъ: „Разумѣется, на первомъ планѣ въ ряду военныхъ дѣятелей стоялъ Д. А. Милютинъ. Его семейство держалось патріархальной простоты, которой оно не измѣнило и впослѣдствіи, въ другомъ, несравненно высшемъ положеніи. Можно безъ преувеличенія сказать, что изъ всѣхъ страстей человѣческихъ Д. А. Милютинъ имѣлъ одну страсть—трудиться. Такъ точно и на Кавказѣ онъ вѣчно былъ занятъ дѣлами и велъ трудовую жизнь. Всѣмъ извѣстно, что такую же жизнь онъ велъ въ должности военнаго министра, устраняя всякія наслажденія тщеславія, честолюбія и т. п.“ [1]).

Д. А. Милютинъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Николаемъ Алексѣевичемъ, былъ однимъ изъ близкихъ людей въ либеральномъ кружкѣ, группировавшемся около великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича,—кружкѣ, сыгравшемъ выдающуюся роль въ исторіи эпохи великихъ реформъ.

Отмѣтимъ еще, что даже на министерскомъ посту Д. А. Милютинъ сохранилъ прекрасныя отношенія съ передовыми и наиболѣе свѣтлыми личностями,—представителями науки, литературы и общественной мысли,—поддерживая тѣсную дружескую связь съ К. Д. Кавелинымъ, Е. Ѳ. Коршемъ и др.

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1897 г., № 9.

Это близкое соприкосновеніе Д. А. Милютина съ выдающимися представителями общества, а также знакомство съ движеніями въ общественной жизни, явилось очень важнымъ условіемъ въ его министерской дѣятельности.

Покинувъ Петербургъ и переселившись навсегда въ Крымъ, Д. А. Милютинъ болѣе уже не принималъ активнаго участія въ государственномъ управленіи. Въ тиши своего крымскаго имѣнія Симеизъ, далекій и чуждый треволненіямъ жизни, такъ называемыхъ, высшихъ сферъ, онъ,—какъ давно ходятъ слухи, — пишетъ мемуары и воспоминанія, которыя несомнѣнно явятся лучшей исторіей царствованія Императора Александра II и его реформъ.

Послѣ графа Д. А. Милютина, во главѣ военнаго министерства оказались люди уже другого масштаба, иныхъ взглядовъ... Многое, созданное Милютинымъ, подверглось „критикѣ“, а вскорѣ затѣмъ и ломкѣ. Не осталось почти ни одной области военнаго дѣла, которую преемники графа Милютина не подвергли бы значительной „переработкѣ“, сообразно взглядамъ и тенденціямъ, взявшимъ верхъ въ восьмидесятыхъ годахъ, съ явнымъ даже стремленіемъ вернуть кое-что старое... По всему фронту началась „подтяжка“ и изъятіе изъ обращенія всякаго рода „завиральныхъ идей“. Даже военныя гимназіи и тѣ были вновь преобразованы въ кадетскіе корпуса,—въ нихъ заведенъ болѣе суровый режимъ, и воспитатели-педагоги, съ высшимъ образованіемъ, замѣнены строевыми офицерами [1]).

Формула „все обстоитъ благополучно“ стала девизомъ не одного военнаго министерства, но и всѣхъ сферъ русской жизни...

И все это, въ концѣ-концовъ, привело нашу армію къ позорнымъ пораженіямъ въ злосчастной русско-

[1]) Артиллеристы, какъ „неблагонадежный“ элементъ, не принимались въ воспитатели корпусовъ.

японской войнѣ, которая открыла намъ глаза на язвы режима, царившаго съ 1881 г. и уже безвозвратно миновавшаго съ обнародованіемъ манифеста 17 октября 1905 г.

Какой тяжелой скорбью, надо думать, переполнялось сердце бывшаго военнаго министра графа Д. А. Милютина, внимательно слѣдившаго,—какъ сообщали газеты,—за всѣми перепитіями нашей борьбы на Дальнемъ Востокѣ, когда ему приходилось читать о нашихъ неудачахъ, но зато и какою великою радостью исполнилось сердце маститаго старца, когда онъ узналъ, что все, о чемъ грезилось ему еще двадцать пятъ лѣтъ назадъ, наконецъ, начинаетъ сбываться воочію: Россія вступила на новый свѣтлый путь свободнаго государственнаго развитія и парламентской жизни...

„И друзья, и враги,—говоритъ Гр. Джаншіевъ,—согласны въ томъ, что *въ лицѣ графа Д. А. Милютина Россія имѣла просвѣщеннаго военнаго министра и разносторонняго государственнаго человѣка выдающагося дарованія, эрудиціи, опытности, изумительнаго трудолюбія, рѣдкой чистоты, честности и идеальнаго безкорыстія*“.

* *
*

Въ заключеніе еще два слова.

28 іюня 1906 г., день девяностолѣтія выдающагося государственнаго дѣятеля и бывшаго военнаго министра эпохи великихъ реформъ, графа Д. А. Милютина въ общей печати вспомнили... двѣ-три газеты *)...

Наша военная печать, во главѣ съ оффиціальнымъ „Русскимъ Инвалидомъ", видимо совершенно забыла великія заслуги передъ Родиной бывшаго реорганизатора нашей арміи на прогрессивныхъ началахъ, отступленіе отъ которыхъ его замѣстителями такъ дорого обошлось намъ въ минувшую войну...

Къ стыду военнаго министерства и всей арміи 90-лѣтній юбилей графа Д. А. Милютина остался не отпразднованнымъ...

Въ круговоротѣ стремительно мчащейся жизни позабыли хотя чѣмъ-нибудь отмѣтить рѣдкій день рожденія крупнаго государственнаго человѣка, послѣдняго „изъ стаи славныхъ александровскихъ орловъ"...

Не такъ праздновала Германія такую же годовщину дня рожденія графа Мольтке въ октябрѣ 1890 г., и наша короткая память на заслуги передъ Родиной нашихъ выдающихъ дѣятелей лишь служитъ доказательствомъ нашей... некультурности.

Не хочется вѣрить, чтобы юбилей графа Д. А. Милютина былъ забытъ умышленно, дабы не давать лишній разъ повода для сравненій „вѣка нынѣшняго съ вѣкомъ минувшимъ"...

---

*) „Воен. Гол.", „Страна", „Рѣчь", „Одес. Лист."

Редакціей „Военнаго Голоса“, — первой частной независимой военно-общественной газеты, — въ день 90-лѣтія фельдмаршала графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, 28 іюня 1906 г., была послана на имя его въ Симеизъ (Крымъ), привѣтственная телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Редакція и сотрудники „Военнаго Голоса“, одушевленные стремленіемъ къ коренной военной реформѣ соотвѣтственно боевому опыту и новому устройству великой Россіи, въ знаменательный день Вашего девяностолѣтія, вспоминаютъ съ глубокимъ уваженіемъ систематично и широко проведенную Вами, въ эпоху великихъ реформъ реорганизацію арміи на гуманныхъ и прогрессивныхъ началахъ и просятъ принять ихъ искреннія привѣтствія и пожеланія торжества Вашихъ свѣтлыхъ идей, отступленіе отъ которыхъ оказалось столь пагубнымъ для нашей Родины“.

Черезъ день, 30 іюня, редакція „Военнаго Голоса“ получила отвѣтъ отъ графа Дмитрія Алексѣевича:

„Примите сердечную благодарность старика за любезный привѣтъ и добрую память.

Графъ Милютинъ“.

Пожелаемъ великому „Старику“ дожить до торжества въ русской жизни его *свѣтлыхъ*, плодотворныхъ идей.

Литература*):

1) **Богдановичъ** „Историческій очеркъ военнаго управленія въ Россіи“ 1855—1880 г.г. Спб. 1880 г.
2) **Даниловъ Н. А.** „Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи“ и „Приложенія“ къ нему. Спб. 1902 г.
3) **Татищевъ С. С.** „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“. Спб. 1903 г.
4) **Джаншіевъ Гр.** „Эпоха великихъ реформъ“. Историческія справки. Спб. 1905 г.
5) **Чичаговъ Л. М.** „Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г.“ Спб. 1885 г.
6) **Старчевскій А. А.** „Памятникъ Восточной войны 1877—1878 г.г.“ Спб. 1878 г.
7) **Быковъ П. В.** „Д. А. Милютинъ“—біографическій очеркъ (Иллюстр. журналъ „Сѣверъ“ 1903 г., № 46).
8) **„Энциклопедическій словарь“** (Брокгаузъ и Ефронъ). т. XIX, вып. 37. Спб. 1896 г.
9) **„Историческій Вѣстникъ“** 1893 г. май и 1894 г. январь. „Милютинъ Д. А., графъ, государств. дѣятель. Замѣтки къ его шестидесятилѣтней дѣятельности“ 1884 г. январь. „Милютинъ гр. Д. А., военный министръ. Юбилей его“.
10) **„Русская Старина“** 1883 г., т. XXXVIII. Д. А. Милютинъ въ 1863—1864 г.г. Замѣтка.
11) Кромѣ того, даютъ матеріалъ для характеристики гр. Д. А. Милютина воспоминанія и записки, помѣщенныя въ „Русской Старинѣ“, напр., „Записки ген.-лейт. В. Д. Кренке“ (1882 г., май, іюнь, іюль), „Записки Инсарскаго“ (1897 г. сентябрь), „Записки Н. Г. Залѣсова“ (1903 г. ноябрь, 1905 г. іюнь) и друг.

*) Несомнѣнно, этотъ списокъ далеко не полонъ, хотя въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что біографическая литература о Д. А. Милютинѣ пока сравнительно очень бѣдна.

2005346090